

ОДИССЕЯ НИКИТЫ ЕРОФЕЕВА

Виктор Огурцов

Стремясь вникнуть в повседневную жизнь жителей Суздальского уезда в разные времена, начиная с царствования первых Романовых и кончая 1917 годом, я проштудировал массу литературы, архивных дел, побывал в музеях и наслушался местных легенд. Оказалось, что все происходило далеко не так, как написано в книгах. Писатели-дворяне видели жизнь со своей «колокольни», писатели духовного чина — со своей, военные — со своего наблюдательного пункта, торговые люди — из своих лавок. Крестьяне-земледельцы, кормильцы всех этих писателей, может быть, и имели свою точку зрения на происходящее вокруг них, но написать об этом не могли. Общество прекрасно обходилось без «историй России», написанных крестьянами, — крепостными и вольными, помещичьими, казенными и монастырскими, дворовыми, беглыми и забритыми в рекруты.

Никита Ерофеев, крестьянин деревни Тетерино Суздальского уезда, мог бы написать целую повесть о своих мытарствах в поисках правды, но к делу такому не был

способен. Попробуем рассказать обо всем, случившемся с ним, глядя на мир его глазами.

Крестьяне дворцовой Лопатницкой волости роптали: пожаловаться бы на несправедливости, да некому. Помещиком у них значился сам царь, а он далече, и невдомек ему, батюшке, что творят без совести приказные люди да старосты.

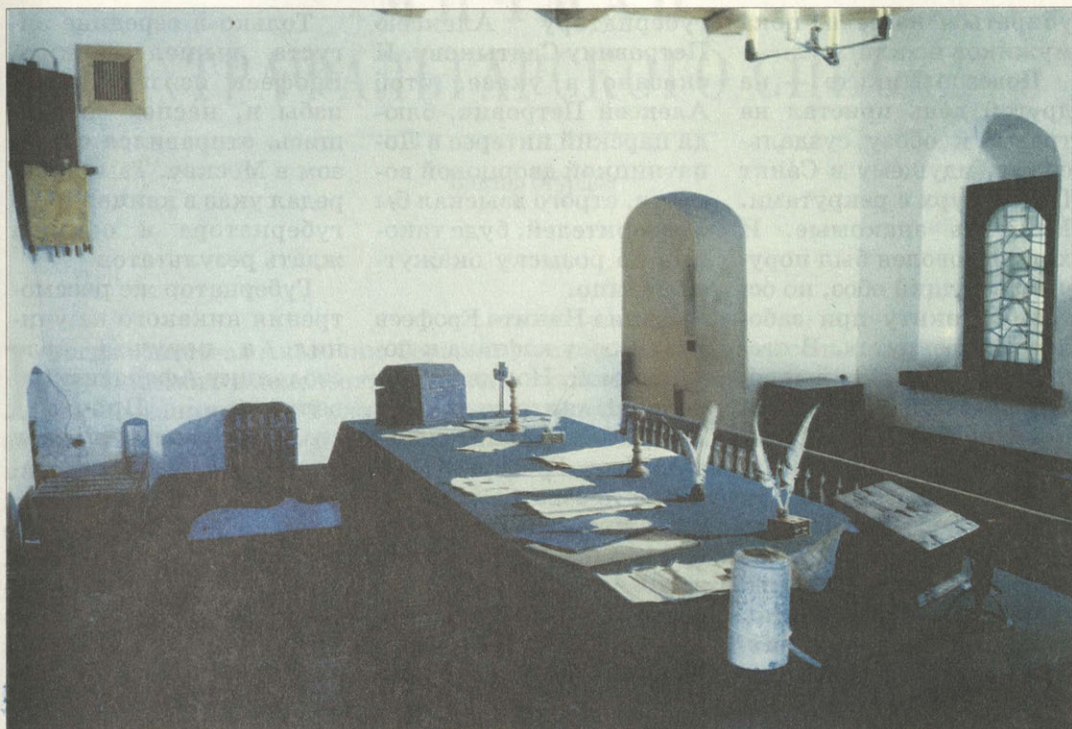
В прошлом 1711 году подьячие суздальской приказной избы дважды собрали «банные деньги», а отписей о сборах не сделали. Банные деньги — не пустяк для той семьи, которая их платила. Еще царь Алексей Михайлович, чтобы избежать пожаров, запретил в летнее время топить бани. Исключение делалось лишь тем семьям, у кого были роженицы или хворые, нуждающиеся в банном парении и омовении. За каждую топку полагалось платить банные деньги.

Но это еще полбеда. Беда в том, что старосты, выбранные миром, собрав годовые налоги, тоже не дали отписей в платеже. А деньги немалые — от всей волости две с лишним тысячи рублей. Целовальники при казенных сборах — их тоже выбирали миром

и они крест целовали, что по чести дело вести будут, — собрали 600 рублей и тоже не дали отписей. Как сговорились между собой старосты и целовальники. Каждому понятно, что всякие денежные сборы без отписей, — это повод к повторным сборам. Да к тому же — поди проверь, сколько собрано, а сколько государю в Санкт-Питер Бурх на его потребу отправлено.

И так, и этак судачили мужики, а потом сошлись: надо бить челом царю, чтоб урезонил подьячих и старост, и целовальников. Потолковали на сходах в Борисове, в Торчине, в Тетерине и выбрали тетеринского крестьянина Никиту Ерофеева быть своим заступником и ходатаем перед царем.

Сначала Никита от имени крестьян всей волости подал челобитную в губернский город Москву (Суздальский уезд входил в Московскую губернию). Все обидные села и деревни перечислил, все имена обидчиков указал. Не забыл упомянуть, что сам он — не самозванец какой-нибудь, а выбранный ходатаем от мира. И что мирские люди не о себе заботятся, а о том,

Гусиное перо — памятник российскому чиновнику
Сколько челобитных здесь было положено под сукно!

что оные подьячие и старосты, и целовальники государеву дворцовую Лопатницкую волость разорили без остатку.

В губернском правлении к челобитной отнеслись с вниманием и дали предписание суздальскому коменданту Андрею Чаплину разобраться во всех деталях лихоимства. Комендант назначил розыск. Были допрошены указанные в челобитной люди, вызваны свидетели и потерпевшие из сел и деревень и было постановлено: деньги вернуть крестьянам либо составить отписи о полученных сборах. Отписи же заверить у него, коменданта. И ту сумму, что будет указана, предъявить для отправки в надлежащие ведомства — казенную палату и уп-

равляющему дворцовым имениями.

Все сборщики согласились на первый вариант, пообещав коменданту уладить дело с крестьянами полюбовно. Однако прошла неделя, другая — а не слышно, чтоб деньги возвращались. Подождав еще две недели, крестьяне послали своих уполномоченных в Лопатницы и там на сходе перед волостным правлением поручили Никите Ерофееву идти в северную столицу — подать челобитную самому государю. А чтобы в пути его не задержали, составили соответствующую бумагу и вручили ему. Такой документ назывался «выбор за руками», потому что в нем «приложением рук» подтверждались выборность предьявителя

и полномочия на ведение дел от имени выбравшего его общества.

Уже почти до города Торжка дошел Никита Ерофеев на своем пути к новой столице. В небольшом селе при тракте попросился переночевать, а тут староста местный объявился: кто таков да откуда? Показал ему Никита бумагу от общества и рассказал, куда и зачем послан. Поглядел на него староста недобро: похоже — бунтовщик, на лопатницких старост самому царю донос хочет сделать. Задерживать его повода вроде нет, а вот охранную грамоту отобрать — это дело. Пусть-ка без нее попробует доказать, что не беглый. Порвал староста Семен Лебедев «выбор», бросил в огонь и велел

убираться из села, пока мужиков не кликнул.

Повезло Никите — на другой день пристал на тракте к обозу суздальскому, идущему в Санкт-Петербург с рекрутами. Нашлись знакомые. И хоть недоволен был поручик, ведущий обоз, но оставил Никиту при заболелых рекрутах. В столице за три рубля выпросил Никита у поручика бумагу, что-де он, Никита Ерофеев, был при обозе и ныне отпущен в дом свой, в деревню Тетерино. С месяц поспитался Никита по столице, выспрашивал осторожно, как государю челобитную подать. А как все разузнал, купил гербовой бумаги на полтину, пришел к дьячку при сенатской канцелярии, писавшему челобитные, поведал ему о несправедливых делах, творящихся в Лопатницкой волости, выслушал, что дьячок написал, а потом велел ему вместо себя к челобитной руку приложить, посколькы грамоте обучен не был.

Челобитную дьячок взял на учет и сказал, чтоб ждал Никита правительственного решения. А сколько ждать — Бог весть.

Полгода прожил Никита в Санкт-Петербурге, а чтоб прокормиться и кров хоть какой над головой иметь, нанялся на Конюшенный двор. Там, в стойле, и ночевал. Только в июне сказали ему в канцелярии, что решение по его челобитной принято. И не просто решение, а указ самого государя московскому

губернатору Алексею Петровичу Салтыкову. И сказано в указе, чтоб Алексей Петрович, будучи царский интерес в Лопатницкой дворцовой волости, строго взыскал бы с разорителей, буде таковые по розыску окажутся налицо.

Зашил Никита Ерофеев указ в полу кафтана и пошел домой. Но едва объявился Никита в родном Тетерине, как целовальник Иван Григорьев сын Опара прознал о его приходе, прознал и об указе при нем и всполошился. А всполошившись, сказал волостному приказчику Сергею Леонтьеву сыну Мальцеву, чтоб тот постарался не допустить Никиту с указом в Москву. Дальше рассказывает сам Никита Ерофеев:

«Оной прикащик прислал по меня денщиков Максима Корелина и Прокофья Климова и, взяв меня в село Лопатницы в приказную избу, бил меня и увечил. А у меня в то время был великого государя указ о тех счетных деньгах старост и целовальников. И держал меня с указом восемь недель, и хотел меня сковать, послать к Москве, незнаемо за что. И я ему, прикащику, бил челом и говорил, чтоб нарядить на сход мирских людей, а к Москве меня без мирского ведома не посылать. И он моего челобитья не послушал, мирских людей на сход не наряжал, и ко мне жены моей и детей, и родственников, и мирских людей с хлебом и с харчами не пропускал, морил меня голодной смертию».

Только в середине августа вышел Никита Ерофеев из приказной избы и, наспех собравшись, отправился с указом в Москву. Там он передал указ в канцелярию губернатора и остался ждать результатов.

Губернатор же рассмотрения никакого не учинил, а поручил дело стольнику Афанасию Савельеву.

Прочитал стольник указ да и велел подьячему Василию Самойлову арестовать Никиту. Продержали его скованным цепью, под караулом, в подклети Дворцового приказа, а потом выслали в Переславль-Залесский. Тамошний комендант Савва Турчанинов держал Никиту Ерофеева под стражей восемь недель и выпустил в свою деревню Тетерино с условием, что Никита больше ни с какими челобитными никуда ходить не будет.

Прошло, однако, четыре месяца — и в конце 1714 года Никита вновь отправился бить челом царю. Теперь уже на московского губернатора Алексея Петровича Салтыкова, оставившего без внимания царский указ. Ждать ответа он в столице не стал. Наслышанные о новом походе Никиты к государю, дивясь его упорству и проклиная на чем свет стоит, приказчики, старосты и целовальники поспешили выдать крестьянам отписи о собранных ими еще три года назад деньгах.

Так постоял за мир, за лопатницких мужиков крестьянин Никита Ерофеев.